

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-4-1>

УДК: 338.22

JEL: R10

В. А. Крюков^{а)} , Ю. А. Фридман^{б)} , Е. Ю. Логинова^{в)} ,
Г. Н. Речко^{г)} , , О. И. Хохрина^{д)}

^{а,б,в,г)} Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
г. Новосибирск, Российская Федерация

^{д)} Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
г. Новосибирск, Российская Федерация

Стратегии развития Кузбасса в контексте концепции ревитализации старопромышленного региона¹

Аннотация. Фрагментация мировой экономики, формирование в России новой модели развития национальной экономики на фоне санкционного давления, а также глобальный энергопереход порождают системные угрозы для Кузбасса – ведущего в стране ресурсного региона, специализирующегося на добыче угля. В настоящей статье рассматриваются проблемы поиска приемлемого направления осуществления ревитализации Кемеровской области – Кузбасса как старопромышленного региона в условиях современных вызовов. Данное исследование продолжает серию научных проектов Института экономики и организации промышленного производства СО РАН по изучению российских ресурсных регионов и ставит целью анализ реализованной в Кемеровской области в период 1990–2000-х гг. модели ревитализации и оценку ее влияния на последующий выбор направления развития. Исследование проводилось с использованием хронологического, исторического и структурного анализа; были изучены документы стратегического планирования Кузбасса и статистическая информация с начала 1990-х гг. по настоящее время. Результаты показывают, что Кемеровская область является исключительным случаем в мировой практике ревитализации ресурсных регионов (которые, как правило, идут по пути диверсификации структуры экономики и уменьшения роли отраслей сырьевой специализации). В 1990-е гг. Кузбасс создал основу формирования устойчивого развития экономики в средне- и долгосрочной перспективе, но в 2000-е гг. он замедлил движение в данном направлении в связи с усилением экспортной ориентации добычи угля. В итоге регион попал в «сырьевую ловушку». Как следствие, сейчас перед Кемеровской областью вновь остро стоит проблема перезапуска процессов ревитализации за счет поиска новых точек роста в рамках процесса диверсификации экономики. Анализ и выводы, содержащиеся в статье, представляют интерес как для специалистов в сфере проектирования региональной экономической политики, так и для исследователей вопросов устойчивого развития ресурсных регионов.

Ключевые слова: Кузбасс, старопромышленный ресурсный регион, ревитализация, стратегия развития, адаптация, трансформация

Благодарность: Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН в рамках проекта 5.6.3.2. (FWZF-2024-0001) «Экспертно-аналитические, организационные и методические составляющие системы индикативного планирования научно-технологического и сбалансированного пространственного развития России при реализации крупных инвестиционных проектов».

Для цитирования: Крюков, В.А., Фридман, Ю.А., Логинова, Е.Ю., Речко, Г.Н., Хохрина, О.И. (2024). Стратегии развития Кузбасса в контексте концепции ревитализации старопромышленного региона. *Экономика региона*, 20 (4), 978-992. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-4-1>

¹ © Крюков В. А., Фридман Ю. А., Логинова Е. Ю., Речко Г. Н., Хохрина О. И. Текст. 2024.

V. A. Kryukov^{a)} , Y. A. Fridman^{b)} , E. Yu. Loginova^{c)} ,
G. N. Rechko^{d)} , O. I. Khokhrina^{e)}

^{a,b,c,d)} Institute of Economics and Industrial Engineering,
Siberian Branch of RAS Novosibirsk, Russian Federation

^{e)} Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

Kuzbass in Transition: Development Strategies for Revitalizing an Old Industrial Region

Abstract. This article explores the challenges of revitalizing Kuzbass (Kemerovo Oblast), an old-industrial region, within the context of global and national challenges, including economic fragmentation, Russia's evolving economic model amidst sanctions, and the global energy transition. This study continues a series of research projects implemented by the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and analyses Kuzbass's revitalization model from the 1990s and 2000s and its impact on current development. The research uses chronological, historical, and structural analysis, as well as strategic documents and statistical data from the 1990s to the present. The study shows that Kuzbass represents an exceptional case in global revitalization practices, where, unlike other resource regions that diversify away from raw material specialization, the region strengthened its focus on coal production. In the 1990s, Kuzbass began laying the foundation for sustainable development, but by the 2000s, a focus on coal exports slowed diversification, leading the region into a "raw materials trap." As a result, Kuzbass must now restart revitalization efforts and seek new growth drivers through economic diversification. The findings and conclusions presented in this article are relevant to both regional policy-makers in the economic sphere and researchers studying sustainable development in resource-dependent regions.

Keywords: Kuzbass; old industrial region; revitalization; development strategy; adaptation; transformation

Acknowledgments: *The research was conducted as part of the research plan of IEIE SB RAS, project 5.6.3.2. (FWZF-2024-0001) titled "Expert-analytical, organizational, and methodological components of the system of indicative planning for scientific, technological, and balanced spatial development of Russia in the implementation of large investment projects."*

For citation: Kryukov, V.A., Fridman, Y.A., Loginova, E.Y., Rechko, G.N., Khokhrina, O. I. (2024). Kuzbass in Transition: Development Strategies for Revitalizing an Old Industrial Region. *Ekonomika regiona / Economy of Regions*, 20(4), 978-992. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-4-1>

Введение

Кемеровская область — Кузбасс в настоящее время стабильно обеспечивает более половины угледобычи в РФ (в 2023 г. — около 50 %, или 212,6 млн т) и является крупнейшим экспортером российского угля (по итогам 2023 г. — свыше 52 %) (Мешков и др., 2024). Кузнецкий бассейн удерживает первое место в стране по запасам каменного угля (почти 70 млрд т, в том числе примерно половину составляют коксующиеся угли). Общие запасы угля на территории Кемеровской области оцениваются в 121,5 млрд т¹. Региональные власти в начале 2024 г. заявили: «Кузбасс сможет обе-

спечить возрастающую мировую потребность в угле»². Разумеется, если будет возможность вывезти топливо из Кузнецкого бассейна, который находится на значительном удалении от морских портов.

Кузбасс сегодня демонстрирует заинтересованность в сохранении своего статуса главного национального углепромышленного центра, процесс создания которого занял свыше ста лет и был инициирован государством. Идея мегапроекта, запущенного в 1910-е гг. и достигшего пика в 1960-е гг., заключалась в освоении одного из крупнейших в мире месторождений угля и комплексном технологическом использовании его ресурсов (Крюков и др., 2020). Для этого применялся целый ряд передовых для своего времени практик управления

¹ Государственный доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2021 году // Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. 10.01.2023. https://www.mnr.gov.ru/docs/o_sostoyanii_i_iskpolzovanii_mineralno_syrevykh_resursov_rossiyskoy_federatsii/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyani_i_iskpolzovani_mineralno_syrevykh_resursov_rossiyskoy_federatsii/ (дата обращения: 10.10.2024).

² Сергей Цивилев: Кузбасс сможет обеспечить возрастающую мировую потребность в угле // Официальный сайт Администрации Правительства Кузбасса. 27.01.2024. <https://ako.ru/news/detail/sergey-tsivilev-kuzbass-smozhet-obespechit-vozzrastayushchuyu-mirovuyu-potrebnost-v-ugle> (дата обращения: 30.03.2024).

развитием отраслей и территорий, основанных на действии фактора экономии на масштабе с присущей данной модели системой координации — централизованной отраслевой системой директивного планирования управления.

В 1970–1980-е гг. в Кемеровской области сложились мощные угольно-металлургический и угольно-химический промышленные узлы, производившие продукцию первых переделов на базе традиционных технологий и оборудования (и к тому моменту часть его функционировала уже более полувека). В этот период в Кузбассе работали три металлургических завода, причем два из них входили в число крупнейших в СССР. Здесь добывалось более 60 % угля и выпускалось до 75 % минеральных удобрений Сибири; на долю региона приходилось 20 % производимого на тот момент в стране угля, 30 % капролактама, свыше 9 % чугуна, 8 % стали, более 7 % проката черных металлов, свыше 7 % синтетических смол и пластмасс (Артюшкова и др., 1988). Естественно, что развитая индустриальная база в сочетании с высоким уровнем урбанизации в условиях ограниченной территории создавала значительную антропогенную нагрузку на природную среду, провоцируя экологические проблемы (Горизонты Кузбасса, 1982). Ориентация на отраслевые приоритеты неизбежно вела к тому, что расходы на поддержание и развитие в Кемеровской области социальной инфраструктуры заметно уступали объемам капитальных вложений в производственные мощности. Но с середины 1970-х гг. и они стали снижаться (в том числе замедлялось развитие базовой угольной отрасли из-за сокращения инвестиционной активности и наметившегося технологического отставания), что привело к торможению темпов развития кузбасской экономики и региона в целом.

Эти и другие тенденции и черты, проявившиеся со всей очевидностью в Кемеровской области в 1980-е гг., дали основание исследователям начать применять по отношению к Кузбассу термин «старопромышленный район» (даже невзирая на относительно новое освоение этой территории по сравнению с Уралом в России или Руром в Германии: оба региона являются классическими примерами старых районов со сложившейся структурой хозяйствования) (Артюшкова и др., 1988). Именно в 1970–1980-е гг. подобные территории стали объектом научного изучения и сформировалось целое направление исследований по проблематике старопромышленных реги-

онов¹. Основные усилия исследователей были сосредоточены на разработке моделей их ревитализации (от англ. revitalization — «оживление») (Carney et al., 1980; Steiner, 1985; Cooke, 1995; Hamm & Wienert, 1990).

Результаты проведенного анализа показывают, что в мире к началу 1990-х гг. сформировались два основных подхода к решению проблем деиндустриализации промышленных центров²: европейский и американский (США) (Мальцев & Мордвинова, 2018; Мальцев & Мордвинова, 2019).

Европейская модель предполагает проведение ревитализации в два этапа. На первом предпринимаются шаги по адаптации отраслей специализации проблемного региона, то есть по их приспособлению к изменившимся условиям среды функционирования³. На втором этапе осуществляется трансформация экономики (ее диверсификация⁴) на базе развития

¹ Термин «старопромышленный район» в 1970–1980-е гг. широко использовался и экономистами, и географами, хотя строгого его определения не было. Наиболее логичным представлялось отнесение районов к данной категории исходя из возраста отраслей его промышленной специализации и времени формирования промышленного комплекса. Сейчас ученые продолжают изучать феномен «старопромышленных регионов» и, например, выделяют следующие их отличительные признаки: исторически сложившаяся специализация региона в территориально-производственном разделении труда с доминированием в ней индустриальных отраслей; преобладание устаревших технологий и средств производства; производство промышленной продукции низкого уровня наукоемкости; локализация рынков сбыта выпускаемой продукции; низкая восприимчивость к инновациям (Глonti, 2008). Однако этот перечень нельзя назвать исчерпывающим. По мнению ряда исследователей, в группе старопромышленных особую категорию составляют территории (главным образом города), «откуда промышленность полностью ушла или была целенаправленно выведена», но проблемы их развития также уходят корнями в промышленное прошлое (Стародубровская и др., 2011).

² В XXI в. кризис старопромышленных территорий затронул страны Востока (прежде всего Китай и Южную Корею), что запустило процесс появления азиатской модели ревитализации. Она еще формируется, но исследователи уже выделяют ее ключевое отличие от западных моделей — главенствующая роль государства (федеральных органов власти) в выборе модели ревитализации конкретного региона и включение основных мероприятий ревитализации в государственные планы развития страны.

³ Адаптация означает приспособление социально-экономической системы к внешним и внутренним вызовам за счет таких инструментов, как реструктуризация, модернизация, цифровизация, реорганизация, реформирование, создание, слияние. Множество направлений адаптации не приводит к изменению структуры экономики.

⁴ Под трансформацией социально-экономической системы мы понимаем не просто преобразование, а существенные (радикальные) изменения свойств экономической и соци-

инновационных направлений промышленности и отраслей новой экономики (биотехнологии, медицина, образование, наука, туризм, креативные индустрии). Главными проводниками выбранных концепций (а регионы самостоятельно делали свой выбор, не копируя друг друга) являются как региональные общество и власть, так и бизнес. Роль вышестоящих органов власти состоит при этом не только в следовании заданной логике преобразований, но также и в прямом участии в создании необходимых объектов инфраструктуры. Основное отличие американской модели заключается в активном участии власти — государства (в первую очередь федерального уровня) в выборе и реализации концепции ревитализации того или иного региона. Государство, с одной стороны, формирует протекционистскую политику по отношению к отечественной промышленности на мировых рынках (вплоть до запрета импорта аналогичной продукции), с другой — стимулирует корпоративный сектор создавать и применять новые технологии, вводя различные экологические, ценовые, налоговые ограничения. Объединяет обе модели то, что целью ревитализации является как минимум сохранение на текущем уровне качества жизни граждан и как максимум поступательное его повышение.

Уже в начале 1990-х гг. власти Кемеровской области (после ряда неудачных попыток осуществления ревитализации посредством реконструкции системы планирования и управления в системе «центр — регион», введения регионального хозрасчета, обретения статуса свободной экономической зоны) начали интенсивно изучать разнообразные модели ревитализации, которые в тот период использовались в мировой практике (Крюков и др., 2020).

Цель настоящей статьи — анализ реализованной модели ревитализации Кемеровской области — Кузбасса и оценка ее влияния на выбор направлений развития этой уникальной территории в современных условиях.

Гипотеза исследования состоит в том, что в Кемеровской области — Кузбассе в процессе ревитализации экономики (адаптации к условиям рыночной экономики и связанной с ней трансформацией в новой меняю-

альной среды, влияющие на конкурентные качества региона, а точнее — это существенные изменения в структуре экономики, которые приводят к смене парадигмы развития региона и обеспечивают его гармоничное развитие на основе достижения экологической нейтральности, экономического благополучия и улучшения качества жизни населения.

щейся среде) не была обеспечена синхронность данных процессов. В итоге регион, реализовав в течение последних трех десятков лет ряд точечных проектов в неугольных отраслях, не только не ослабил, а напротив, усилил свою сырьевую (угольную) специализацию и не смог синхронизировать двукратный рост добычи угля с адекватным ростом уровня жизни местного населения.

Данные и методы

Комплексное исследование особенностей развития Кемеровской области — Кузбасса, отдельные результаты которого нашли отражение в данной статье, продолжает изучение проблем устойчивого развития ресурсных регионов РФ (Ресурсные регионы России..., 2017). Использовались хронологический, исторический и структурный анализ, были системно изучены официальные документы стратегического планирования Кемеровской области, данные официальной государственной статистики (Росстат) за период с начала 1990-х гг. и по настоящее время. Кроме того, проанализирован международный опыт преобразования социально-экономических систем старопромышленных территорий. Таким образом, полученные выводы отвечают требованию обоснованности и дают понять, как «текущее состояние порождено и определено предыдущими состояниями» (Boschma & Frenken, 2006). На основе этого представлено видение авторами возможной траектории движения Кузбасса, нацеленной на смену парадигмы его развития.

Специфика региона обусловила ряд допущений и предпосылок при формировании нашего представления о его будущем.

1. Кузбасс — углепромышленная территория. Ее отличительные черты — наличие угольных цепочек добавленной стоимости (угольная энергетика, черная металлургия, углехимия и т. п.); присутствие элементов локализации в строительной и машиностроительной отраслях; развитие научной и образовательной баз; наличие неугольных проектов, финансируемых и реализуемых угольным бизнесом.

2. В интервале предстоящих 15–20 лет решающее значение для Кемеровской области — Кузбасса будут иметь также системные стратегические вызовы, спровоцированные сменой принципов миропорядка и четвертым глобальным энергопереходом (Смил, 2020). Определяющими аспектами последнего сегодня являются политика декарбонизации и переориентация на низкоуглеродное развитие экономики с акцентом на достижение

углеродной нейтральности. Эти вызовы знаменуют радикальное изменение внешней среды и провоцируют нарастание для региона рисков развития.

3. Важный фактор, обозначающий границы возможных ресурсов, технологических, финансовых и других маневров Кузбасса в процессе социально-экономической трансформации, — это стратегия развития России и меры, которые предпринимаются в стране для создания модели суверенной национальной экономики. Ее принципы были сформулированы Президентом РФ В.В. Путиным в 2022 г.: открытость, опора на предпринимательские свободы, ответственная и сбалансированная макроэкономическая политика, социальная справедливость, опережающее развитие инфраструктуры, технологический суверенитет¹.

4. Общий вектор социально-экономического развития Кузбасса не может рассматриваться вне связи с динамикой развития Азиатской России, частью которой является и регион в целом, и проекты на его территории, служащие неотъемлемыми составляющими инвестиционных импульсных проектов (Новый импульс..., 2022; Селиверстов, 2024).

Полученные результаты

Сравнивая содержательное наполнение процесса ревитализации, который стартовал в 1990-е гг. в Кемеровской области, с западными моделями, важно видеть: ревитализация Кузбасса совпала по времени с либерализацией российской экономики в целом. В ее основу был положен закон сравнительных преимуществ Д. Рикардо (впоследствии — теория внешней торговли Хекшера–Олина²). В России в 1990-е гг. преимущества в факторах производства (разведанные запасы природных ресурсов и их качество плюс профессиональные компетенции) присутствовали преимущественно в сырьевых отраслях и отраслях начальных переделов добытого сырья (нефти, природного газа, угля, в первую очередь коксующихся марок). Таким образом, Кузбасс в ходе преобразования социально-экономической

системы опирался на комбинацию западной модели ревитализации старопромышленных регионов и модели ускоренной либерализации экономики, причем в тот период сравнительные преимущества экспорта сырья рассматривались и как средство адаптации экономики к рыночным шокам, и как источник ее последующей трансформации для привлечения передового научно-технологического потенциала³. В подтверждение этого тезиса ниже представлены основные мероприятия этапа адаптации кузбасской экономики в 1995–2000-х гг.:

- реализация программы реструктуризации угольной отрасли;
- реформирование металлургической и химической отраслей;
- закрытие неконкурентоспособных предприятий во всех отраслях;
- создание новых отраслей в сфере личного потребления, обращения, управления и т. д.

Самым крупным и значимым проектом данного этапа для Кузбасса стала государственная программа реструктуризации угольной промышленности России. Напомним, ее началу предшествовала мощная волна шахтерских забастовок, которая прокатилась по всей стране. Реструктуризация стартовала в 1992–1993 гг. и представляла собой «комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на преобразование производственной и организационной структур угольной отрасли в целях повышения ее эффективности и решения сопряженных социально-экономических проблем, с одновременной адаптацией отрасли к рыночным отношениям при переходе к ним российской экономики в целом» (Мальшев и др., 1996). Целью было сделать проблемную угольную отрасль самокупаемой и высокоэффективной.

Активная фаза реструктуризации угольной отрасли Кемеровской области заняла около десяти лет. И в отличие от европейских стран, где в результате реструктуризации добыча угля снижалась или прекращалась вовсе (например, Франция и Великобритания), в Кузбассе добыча угля выросла: регион в 2005 г. достиг «советского пика» (1988 г.) в 160 млн т, а в 2012 г. впервые в истории произвел за год 200 млн т угля, притом что к тому времени были закрыты убыточные предприятия отрасли. Кроме того, в ходе реструктуризации была проведена денежная приватизация рентабельных шахт

¹ Стенограмма пленарного заседания Петербургского международного экономического форума // Официальный сайт Президента России. 17.06.2022. <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения: 05.05.2024).

² Согласно теории Хекшера–Олина (англ. Heckscher–Ohlin theory), страна будет специализироваться на производстве и экспорте товаров, при создании которых используется относительно избыточный для нее фактор производства, а импортировать товары, при производстве которых задействован относительно недостаточный фактор производства.

³ В 2004 г. в России был создан Стабилизационный фонд, который позже (2008 г.) был разделен на Резервный фонд и Фонд национального благосостояния.

и разрезов (то есть в данном случае произошла трансформация собственности на имущество, но не экономической системы региона в целом), а объекты социальной сферы, включая жилой фонд, передавались от предприятий муниципалитетам. При этом государство продолжило оказывать серьезную поддержку угольной отрасли, в частности обеспечивая сравнительно низкие тарифы для перевозки угля по железнодорожной сети или предоставляя налоговые льготы¹.

В 2000-е гг. угольная отрасль России вышла на рентабельный уровень производства (по итогам 2008 г. среднеотраслевой показатель рентабельности достиг 45 % (Краснянский и др., 2011)). Осуществлена широкомасштабная техническая и технологическая модернизация предприятий отрасли (инвестиции в основной капитал в 2000–2008 гг. в угольную отрасль страны увеличились в 4,6 раза и превысили в сумме 277 млрд руб., из них более 80 % пришлось на долю Кузбасса (Краснянский и др., 2011)). Сократилась численность занятых в отрасли (в Кемеровской области в период с 1994 г. до 2006 г. этот показатель снизился до 139 тыс. чел., или почти на 60 % (Воронин, 2008)) и выросла производительность труда. Россия, во многом благодаря Кузбассу, который перешел на экспортно ориентированную модель развития экономики, вошла в топ рейтинга ведущих поставщиков угля на мировой рынок.

Адаптация системообразующей угольной отрасли без структурной перестройки экономики региона привела к тому, что регион в итоге стал заложником сырьевого роста, или «ловушки реструктуризации»².

За десятилетний период, последовавший за завершением активной фазы реструктуризации, структура экономики в Кузбассе практически не изменилась, традиционные отраслевые лидеры сохранили свои позиции (табл. 1). Это подтверждают и расчеты. Так, по нашей оценке, в период между 2005 г. и 2010 г. степень специализации экономики и уровень ее диверсифи-

кации менялись незначительно (коэффициент Герфиндаля в эти годы вырос с 0,120 до 0,135, а коэффициент энтропии уменьшился с 2,50 до 2,47)³. При этом почти половина регионального бюджета формировалась за счет налоговых платежей угольных компаний. Уровень жизни людей в Кемеровской области чем дальше, тем больше стал зависеть от мировых цен на уголь.

Поскольку до 2012 г. цены на уголь на глобальном рынке находились на относительно высоком уровне, в Кузбассе росли инвестиции и повышался уровень жизни населения. При этом диверсификация экономики как важная составляющая процесса трансформации была отложена на неопределенное время. Замедление инвестиционной активности после 2012 г. привело к снижению уровня жизни и стагнации природной динамики валового регионального продукта (ВРП) (рис. 1).

Расчеты показывают, что за период с 1994 г. по 2022 г. реальные денежные доходы жителей Кемеровской области выросли всего на 33 %, в том числе за чертой 2012 г. имела место лишь их отрицательная динамика (в расчете к уровню 2012 г.) и соответствующий выход на 83 % по итогам 2022 г. За этот же период, в 1994–2022 гг., Кузбасс за счет естественной убыли и миграционного оттока потерял почти 0,5 млн чел. По результатам социологических исследований, молодежь среди причин отъезда из региона называет отсутствие перспектив для роста (профессионального и личностного), недостаток интересных рабочих мест, невысокие заработки, намерение жить в более крупных и комфортных городах, низкий уровень жизни, экологические проблемы и т. д. (Морозова & Кочнева, 2021). Заметим, что экологическое неблагополучие Кемеровской области подтверждают и различные экспертные оценки⁴.

³ Расчеты выполнены на основе показателя валовой добавленной стоимости по детализированной номенклатуре ОКВЭД-2007 (на базе имеющейся статистики оценка расчетных измерителей более раннего периода не представляется возможной).

⁴ См., напр.: Гонка по нисходящей. Последствия широкомасштабной добычи угля в Кузбассе для окружающей среды и здоровья населения. Доклад группы «Экозащита!». Кузбасс — Москва — Калининград. 2020 // Официальный сайт экологической общественной организации «Экозащита!». <https://ecдру.files.wordpress.com/2020/10/race-to-the-bottom1.pdf> (дата обращения: 15.03.2024); Доклад о состоянии и охране окружающей среды Кемеровской области — Кузбасса в 2022 году // Официальный сайт ГКУ «Комитет охраны окружающей среды Кузбасса». http://ecokem.ru/wp-content/uploads/2023/06/Doklad_zh_2022_01_07_2023.pdf (дата обращения: 03.04.2024).

¹ Показателен следующий факт: по наблюдениям исследователей, «...» угольная промышленность России развивалась эффективно и работала устойчиво на тех этапах ее истории, когда угледобывающей отрасли оказывалась поддержка со стороны государства» (Малышев и др., 1996).

² «Ловушка реструктуризации», в которую попал Кузбасс, — это ситуация, когда интенсивное развитие сырьевой (угольной) отрасли специализации региона, ставшее результатом ее успешной адаптации, приводит к росту экономики, но тормозит трансформационные процессы в социально-экономической системе, снижая конкурентоспособность региона.

Структура валового регионального продукта, произведенного в Кемеровской области в 2005–2022 гг., %

Table 1

Structure of GRP in Kemerovo Oblast, 2005–2022 (%)

Сектор экономики (вид экономической деятельности)	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Промышленность – всего	50,1	51,1	48,4	51,2	56,4	55,2	45,5	40,8	57,9	56,3
В том числе										
Добыча угля	25,9	30,5	24,9	28,8	35,4	35,6	25,8	18,5	39,2	41,5
Агропродовольственный комплекс	4,2	4,9	5,6	5,1	3,9	3,4	4,1	5,2	3,7	3,1
Строительный комплекс	6,2	5,2	4,7	4,6	4,0	4,1	6,2	6,4	3,8	3,6
Экономика знаний	7,0	7,3	9,0	9,0	8,7	8,7	10,7	12,3	7,4	7,0
Транспорт и связь	9,4	8,0	8,9	7,6	6,3	6,2	7,1	7,1	5,1	5,6
Оптовая и розничная торговля	13,8	12,3	9,8	9,7	9,1	8,6	9,9	10,3	8,9	9,6
Гостиницы и рестораны	1,0	0,7	0,1	0,9	0,8	0,7	0,9	0,7	0,6	0,5
Культура, спорт, организация досуга и развлечений	0,5	0,4	0,5	0,6	0,7	0,5	0,7
Прочие	12,8	16,0	18,2	14,8	13,0	14,6	17,5	19,3	12,1	15,0

Примечание: на текущий момент существуют различные подходы к определению и измерению «экономики знаний» (подробный анализ см., напр.: (Инновационный вектор..., 2011)). Мы придерживаемся позиции акад. А.Г. Аганбегяна (Аганбегян, 2022) и включаем в этот сегмент образование, здравоохранение, научные исследования и разработки, а также деятельность в сфере телекоммуникаций и информационных технологий.

Источник: рассчитано авторами по утвержденным данным Кемеровостата.

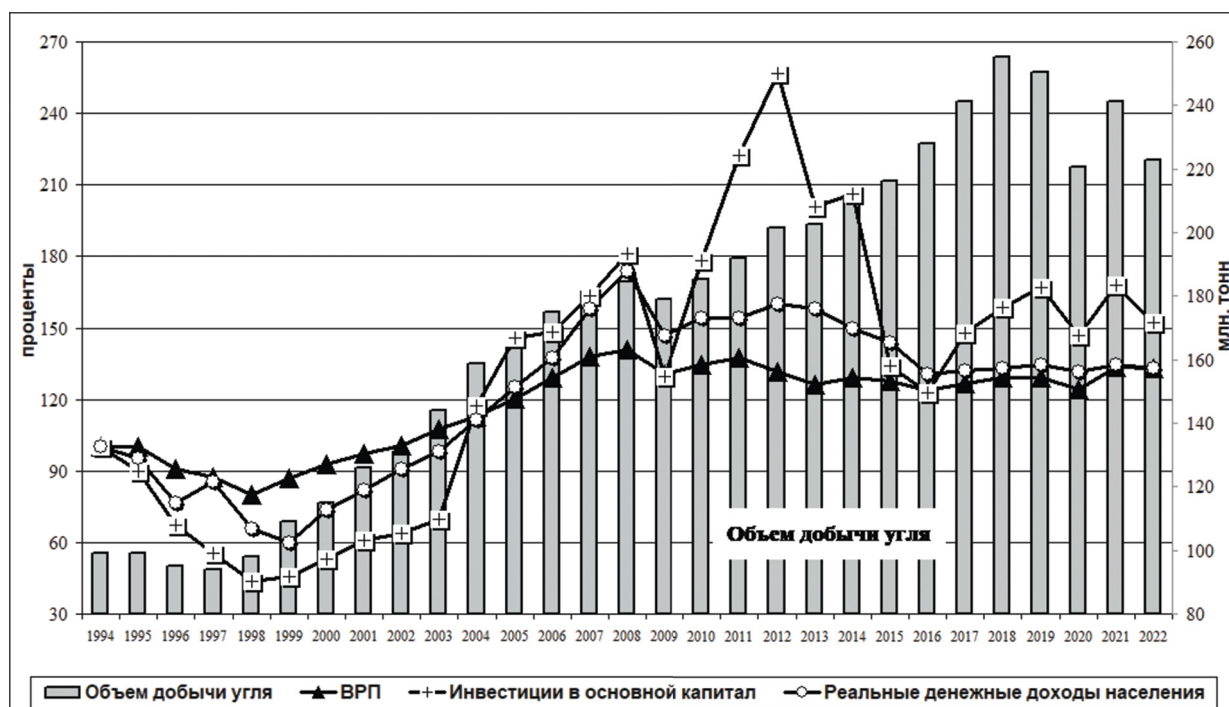

Рис. 1. Динамика основных индикаторов развития Кемеровской области в 1994–2022 гг., в % к уровню 1994 г. (= 100 %), объем добычи угля — в млн т (Источник: данные Росстата, расчеты авторов по данным Росстата)

Fig. 1. Dynamics of key development indicators in Kemerovo Oblast, 1994–2022: GRP, investments, real cash income (% vs. 1994 level = 100 %), coal production (mln t) (Source: Compiled from authors' calculations based on Rosstat data)

Таким образом, принципиальное отличие ревитализации по-кузбасски от аналогичных процессов в других старопромышленных реги-

онах мира состоит в том, что в Кузбассе ревитализация привела к росту доходов в традиционных сырьевых отраслях специализации (пре-

жде всего угольной) при одновременном снижении уровня и качества жизни значительной части населения.

Дискуссии как о результатах адаптации экономики России и ее отдельных регионов к рыночным условиям, так и о необходимости дальнейшей трансформации и важности отказа от сырьевой модели развития начались в стране практически одновременно. Надо отдать должное властям Кемеровской области, которые понимали уязвимость сугубо адаптационной траектории развития региона: перманентно возникающие на мировых рынках всё новые вызовы, риски и шоки испытывали на прочность не только угольный бизнес, но и всю кузбасскую экономику. Так, за последние два десятка лет Кузбасс прошел через несколько ценовых циклов на сырьевые товары — с пиками в 2001, 2007, 2010 и 2015 гг. с последующим резким падением цен (Кондратьев, 2021). Анализ документов стратегического планирования данных лет позволяет говорить о том, что регион не прекращал поиски точек опоры, но отказаться от угля как главного источника дохода так и не решился.

Целью первой в современный российский период истории Кузбасса среднесрочной Программы экономического и социального развития региона (на 2005–2010 гг.) стало повышение реальных доходов и занятости населения области на основе формирования новой модели экономики¹. Для этого требовалось совершенствовать экономическую политику, ускорять институциональную и технологическую динамику в разных секторах, развивать наукоемкий малый бизнес, реформировать социальную сферу и т. д. Представляя программу в 2005 г., власти заявляли: итогом ее выполнения будет «смена типа экономики Кузбасса — сырьевого на инновационный»². То есть предполагалось продолжить начатый процесс ревитализации региона и анонсировался переход к его второй фазе — трансформации.

Решить такую мегазадачу не удалось, хотя улучшить ключевые социально-экономиче-

ские показатели получилось (рис. 1). Этому способствовала в первую очередь благоприятная конъюнктура на рынках сырья, пока мировая экономика не погрузилась в «идеальный шторм» (из-за чего кузбасская экономика столкнулась со снижением темпов роста). Он стал следствием большого количества накопившихся кризисных явлений, которые сошлись в одной точке, как объяснял текущую ситуацию весной 2009 г. на тот момент премьер-министр России В. В. Путин на встрече с шахтерами в Новокузнецке³.

В этот период в регионе отсутствовали какие-либо научные обоснования борьбы с новыми вызовами. Фонд «Центр стратегических разработок «Северо-Запад» (разработчик Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 г.) предложил следующие рекомендации по повышению конкурентоспособности региона: повысить глубину переработки сырья, снять инфраструктурные ограничения, освоить новые рынки и т. п. — те, которые на самом деле идеально подходили любому региону⁴. Это нашло отражение в двух вариантах базового сценария развития Кемеровской области до 2025 г.: первый — сырьевой рост, второй (более предпочтительный, по мнению разработчиков стратегии) — технологический рост. Но ни один из них не рассматривал смену вектора развития как составную часть концепции ревитализации региона.

В 2018 г. в Кузбассе была разработана новая Стратегия социально-экономического развития региона до 2035 г., которая поставила целью «обеспечение опережающих темпов развития и конкурентоспособности экономики и социальной сферы, а также достижение лидирующих позиций по качеству жизни населения и уровню развития человеческого капитала»⁵.

³ Стенограмма беседы Председателя Правительства РФ В. В. Путина с шахтерами в ходе посещения шахты «Полосухинская» в Новокузнецке // Официальный сайт Правительства РФ. 12.03.2009. <http://archive.premier.gov.ru/visits/ru/6098/events/3572/> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 года (утв. Законом Кемеровской области № 74-ОЗ от 11.07.2008) // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». <https://docs.cntd.ru/document/990308346> (дата обращения: 15.03.2024).

⁵ Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года (утв. Законом Кемеровской области № 122-ОЗ от 26.12.2018) // Электронный бюллетень Правительства Кемеровской области — Кузбасса. <https://bulleten-kuzbass.ru/bulletin/210988> (дата обращения: 02.04.2024).

¹ Программа экономического и социального развития Кемеровской области на 2005–2010 годы. — Совет по изучению производительных сил Минэкономразвития России и РАН (СОПС), Москва — Кемерово, 2004. Цит. по: Сайт Общероссийской платформы Стратегия 24. <https://strategy24.ru/files/uploads/d2aa1599f58a4e123cdc93dcfd64a97.pdf> (дата обращения: 05.04.2024).

² Лавренко, И. Кузбасс планирует свернуть на инновационный путь // Коммерсантъ — Сибирь. 12.10.2005. <https://www.kommersant.ru/doc/616905> (дата обращения: 08.04.2024).

На стадии подготовки стратегии отмечалось: «<...> разделим эту программу на три этапа: первый — 2018–2019 гг., следующий — среднесрочная перспектива, это 2020–2024 гг., третий — с 2025 по 2035 г. Первые два года у нас самые важные, это стратегия рывка <...> нам предстоит снизить зависимость экономики от цен на уголь и металл»¹. Решать такую задачу планировалось за счет развития химической и транспортной отраслей, агропромышленного комплекса, машиностроения, туризма и других секторов, а также повышения эффективности угольной отрасли.

Разработчики данной стратегии не использовали по отношению к Кузбассу характеристику «старопромышленный». Однако, описывая внутренние ограничения, которые влияют на перспективы долгосрочного развития региона, они перечислили особенности, присущие именно таким территориям. А обсуждая пути оздоровления кузбасской экономики, выступали за сочетание ее адаптации (реиндустриализации) и трансформации (диверсификации). По сути, авторы стратегии предлагали использовать одну из известных в мире моделей ревитализации проблемных территорий.

Сложно судить, по какой причине в 2020 г. был совершен отход от ранее принятой к исполнению стратегии и утверждена новая Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области — Кузбасса до 2035 г. Она исходит из необходимости реализации стратегических приоритетов не только за счет экономических и финансовых механизмов, но также социокультурных и институциональных, с тем чтобы обеспечить рост конкурентоспособности региона. В стратегии не обсуждается модель развития Кемеровской области — Кузбасса, но подробно излагается экономическая и социальная политика региона как важнейший инструмент достижения долгосрочных целей².

При этом вопросы «ловушки реструктуризации» рассматриваются лишь в контексте одного из ограничений ускоренного развития. Региональные власти выводили эту

¹ Сергей Цивилев: Кузбасс совершит экономический рывок за два года // ТАСС. 24.05.2018. <https://tass.ru/ekonomika/5228694> (дата обращения: 07.04.2024).

² Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области — Кузбасса на период до 2035 года (утв. Законом Кемеровской области — Кузбасса № 163-ОЗ от 23.12.2020) // Электронный бюллетень Правительства Кемеровской области — Кузбасса. <https://bulleten-kuzbass.ru/bulletin/296555> (дата обращения: 10.04.2024).

проблему из стратегии, по-видимому, руководствуясь тем, что по своему масштабу она выходит за пределы регионального уровня. В итоге такой подход сработал — к решению проблемы вывода Кузбасса из «ловушки реструктуризации» подключился федеральный центр.

Задействовать доходы от экспорта угля в восточном направлении для укрепления и диверсификации экономик угледобывающих регионов — с такой инициативой в 2021 г. выступил федеральный уровень власти. В конце года стало известно о заключении соглашений между Кемеровской областью — Кузбассом и угледобывающими компаниями на общую сумму около 72 млрд руб. Суть соглашения — инвестирование части средств, полученных от продажи угольной продукции на восток, в несырьевые отрасли региона³. Весной того же 2021 г. правительство РФ утвердило Программу социально-экономического развития Кузбасса до 2024 г. с объемом финансирования 55 млрд руб., включая 51 млрд руб. из федерального бюджета, нацеленную на «создание эффективной экономики, способствующей развитию человеческого капитала»⁴. Затем в дополнение к программе на федеральном уровне был принят План диверсификации экономики Кузбасса на 2021–2026 гг., который предполагает привлечение внебюджетных инвестиций в проекты, не связанные с добычей угля, в размере не менее 376 млрд руб.⁵, причем основная ставка по-прежнему была сделана на крупных инвесторов из системообразующих отраслей Кемеровской области.

Помимо стратегии развития Кузбасса до 2035 г., различные аспекты долгосрочного будущего региона обсуждаются и в других документах: в отраслевых стратегиях, страте-

³ Фурцев, А. Угольные компании Кузбасса инвестируют 72 млрд рублей в создание производств в несырьевых отраслях региона // Коммерсантъ — Сибирь. 13.12.2021. <https://www.kommersant.ru/doc/5128695> (дата обращения: 05.04.2024).

⁴ Программа социально-экономического развития Кемеровской области — Кузбасса до 2024 года (утв. Распоряжением Правительства РФ № 556-р от 06.03.2021) // Официальный сайт Правительства России. <http://static.government.ru/media/files/JdaK3JTUTv5pCKcPuG4ttgPRv6lNaXuU.pdf> (дата обращения: 30.03.2024).

⁵ План мероприятий по диверсификации экономики Кемеровской области — Кузбасса на 2021–2026 годы (утв. Приказом Минэкономразвития России № 410 от 05.07.2021) // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. https://www.economy.gov.ru/material/file/30074838c6d684b9881e0de75959a8bc/410%20_05072021.pdf (дата обращения: 07.04.2024).

гии развития экспорта Кемеровской области, стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 г. и т. д.

В целом анализ документов стратегического планирования Кемеровской области – Кузбасса последних двадцати лет показывает, что, несмотря на обилие как сценариев развития, так и связанных с ними приоритетов, для региона сохраняют свою актуальность два генеральных направления движения: адаптация сырьевой модели развития к новым вызовам и/или ее трансформация, то есть смена вектора развития Кузбасса. В табл. 2 представ-

лена оценка этих направлений с помощью SWOT-анализа.

Таким образом, Кемеровская область – Кузбасс сейчас находится в том же проблемном поле вариантов ревитализации, что и в начале 1990-х гг. Безусловно, нынешний социально-экономический потенциал региона несопоставим с тем, что имел место тридцать лет назад. Но изменился и мировой геоэкономический контекст. Теперь Россия, адаптируясь к новым условиям, формирует новую модель национальной экономики, основанную «на внутреннем спросе, собственных инвестициях, технологиях

Таблица 2

Генеральные направления развития Кемеровской области – Кузбасса в долгосрочной перспективе (SWOT-анализ)

Table 2

Directions for the long-term development of Kemerovo Oblast – Kuzbass (SWOT analysis)

СТРУКТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ	ТРАНСФОРМАЦИЯ
<i>S (СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ)</i>	
1. Отрасли специализации. Это сложившийся промышленный кластер с глубокими межотраслевыми, межрегиональными и международными цепочками поставок сырья и продукции. 2. Предприятия кластера используют относительно новую технологию производства продукции первого передела, востребованную в России и конкурентную на мировых рынках. 3. Промышленным кластером управляют крупнейшие в России и мире вертикально и горизонтально интегрированные корпорации, одновременно владеющие активами в электроэнергетике, машиностроении, водоснабжении и водоотведении, АПК, девелопменте, морскими портами, вагонным парком, туристическими и развлекательными комплексами. 4. Наличие 20-летнего опыта адаптации к внешним и внутренним вызовам и рискам, в том числе 10-летнего опыта работы в условиях санкций. 5. Наличие сильного отраслевого лобби. 6. Наличие квалифицированной рабочей силы и развитая система профессиональной подготовки кадров.	1. Единственный в России регион, где одновременно есть переработка угля, нефти и природного газа. 2. Имеется возможность расширения сырьевой базы углеводородов и целлюлозы за счет метана угольных пластов и переработки леса. 3. В Кузбассе большие запасы отходов добычи, переработки и сжигания угля с высоким содержанием золота, полиметаллов. 4. Ускоренный рост в последние пять лет таких отраслей, как строительство, АПК, туризм. 5. Создание в Кузбассе эффективного научно-образовательного центра. 6. Емкий внутренний рынок с большим спросом на туризм, медицинское обслуживание, жилье. 7. Относительно высокие возможности региона участвовать в общероссийских мегапроектах технологического суверенитета, в первую очередь таких как «Новые материалы и химия», «Обеспечение продовольственной безопасности», «Новые медицинские технологии», «Наука и университеты».
<i>W (СЛАБЫЕ СТОРОНЫ)</i>	
1. Выпуск продукции с малой добавленной стоимостью (сырье и первичные переделы). 2. Большая ресурсоемкость и энергоемкость производства. 3. Высокая вероятность роста затрат в производстве в связи с ужесточением экологических и климатических требований. 4. Конкуренция за экспортную логистику (восточное направление) с экспортерами из других регионов и секторов экономики РФ. 5. Большая вероятность введения ограничений со стороны основных потребителей продукции на мировых рынках с целью снижения цен на кузбасские товары.	1. Низкий уровень инвестиционно-инновационного потенциала. 2. Подготовка кадров для действующих секторов экономики. 3. Отсутствие проектного задела для развития вторых и третьих переделов в отраслях специализации. 4. Отсутствие инвесторов в новых секторах экономики, оказывающих влияние на национальный и глобальный рынки. 5. Отсутствие опыта трансформации.

Окончание Табл. 2 на след. стр.

О (ВОЗМОЖНОСТИ)	
1. Относительно стабильный рынок для продукции пер- вых переделов. 2. Коррекция политики по отказу от угля в перспективе 15–20 лет. 3. Наличие у корпораций лицензий на ежегодную до- бычу угля в объеме 400 млн т в течение 20 лет.	1. Наличие глобального рынка для новой высокотехно- логичной продукции, использующей в качестве исход- ного сырья продукты первичных переделов базового сектора. 2. Создание собственных российских технологий пере- работки угля в высокомаржинальные продукты. 3. Превращение Кузбасса в мировой центр подготовки специалистов для угольной отрасли.
Т (УГРОЗЫ)	
1. Рост экологической нагрузки. 2. Введение углеродного регулирования. 3. Рост конкуренции на рынке как внутри страны, так и за ее пределами. 4. Отказ федерального центра от поддержки. 5. Бюджетный и социальный кризис.	1. Относительно низкий уровень конкурентоспособно- сти. Отсутствие стратегических инвесторов в отраслях новой экономики. 2. Высокая концентрация капиталовложений в отрас- лях специализации. 3. Дефицит кадров и рост зарплаты в отраслях специализации. 4. Большая зависимость от импорта оборудования и технологий для новых отраслей. 5. Высокий уровень конкуренции на рынках продук- ции отраслей новой экономики.

Источник: разработано авторами.

и капитале»¹ и вместе с тем по-прежнему откры-
тую. Кемеровской области предстоит вписаться
в эту изменившуюся реальность. Вопрос заклю-
чается в следующем: сумеет ли Кузбасс в теку-
щих условиях самостоятельно, используя до-
ступные инвестиционные, технологические, че-
ловеческие и иные ресурсы, провести эффектив-
ную структурную адаптацию² или сразу пойдет
по пути глубокой трансформации, полноценная
реализация которой однозначно потребует зна-
чительного участия федерального центра, вклю-
чая мощную финансовую поддержку.

В настоящее время среди новых вызо-
вов, представляющих стратегическую угрозу
для развития Кемеровской области, все боль-

шее значение приобретает глобальный энер-
гетический переход, который происходит
под эгидой идеи декарбонизации эконо-
мики на фоне борьбы с изменением климата
(Gustafson, 2021; Nordhaus, 2015).

Стремление вытеснить уголь из мирового
энергобаланса создает риски снижения спроса
на него, что по мере ускорения этого процесса
угрожает кузбасской экономике: доходы реги-
она от ископаемого топлива (и в целом угольная
рента) будут необратимо падать, а альтернативы
углю (его экспорту) в качестве основного источ-
ника дохода у Кемеровской области сегодня нет.

Опыт последних двух лет позволяет с высо-
кой степенью вероятности прогнозировать ме-
сто и роль угля в России и мире, исследуя тен-
денции в развитии его главных потребителей:
энергетики и металлургии (табл. 3).

Экспертное сообщество солидарно во мнe-
нии, что на горизонте в 30 лет никакого об-
вала объемов потребления угля ни в России,
ни в мире ожидать не приходится³. Уголь в силу
своей доступности останется основным ста-
билизующим элементом топливно-энерге-
тических балансов многих стран, независимо
от уровня их экономического развития. Но ме-

¹ Максим Решетников: новая модель экономики РФ осно-
вана на внутреннем спросе, собственных инвестициях, тех-
нологиях и капитале // Официальный сайт Министерства
экономического развития Российской Федерации. 15.06.2023.
https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_novaya_model_ekonomiki_rf_osnovana_na_vnutrennem_sprose_sobstvennyh_investitsiyah_tehnologiyah_i_kapitale.html (дата обращения: 15.04.2024).

² Структурная адаптация экономической системы в нашем
понимании предполагает изменение существующего ас-
сортимента продукции (товаров и услуг) отраслей специ-
ализации региона, диверсификацию поставщиков и потре-
бителей этих отраслей для лучшего приспособления эконо-
мики региона к изменившимся условиям внешней среды.
При этом изменения самой структуры экономики не проис-
ходит. В настоящее время в России структурная адаптация
национальной экономики рассматривается как инструмент,
позволяющий вписать экономику страны в новую геополити-
ческую реальность и обеспечить ее рост.

³ Сценарии развития мировой энергетики до 2050 года.
Обзор Российского энергетического агентства Минэнерго
России. Москва, 2024 // Официальный сайт Российского
энергетического агентства Минэнерго России. <https://rosenergo.gov.ru/press-center/news/rea-minenergo-rossii-predstavilo-stsenarii-razvitiya-mirovoy-energetiki-do-2050-goda/> (дата обращения: 25.04.2024).

Таблица 3

Прогноз потребления угля в России и мире (основные рынки российского угля), 2025–2050 гг.

Table 3

Forecast of coal consumption in Russia and world (main markets for Russian coal), 2025–2050

Потребление угля, млн т/год	2025	2030	2035	2050
<i>ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ УГЛИ</i>				
Россия	143	144	145	141
Китай	3 911	3 757	3 361	1 790
Индия	970	1 175	1 245	1 039
Евросоюз	321	236	181	28
<i>МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ УГЛИ</i>				
Россия	34	35	34	32
Китай	554	509	470	389
Индия	133	171	225	408
Евросоюз	39	36	33	20

Источник: составлено авторами по данным компании «Яков и Партнеры»^{*}.

^{*}Будущее угольной индустрии: рынок России до 2050 г. Апрель 2023 // Официальный сайт компании «Яков и Партнеры». <https://yakovpartners.ru/publications/coal-industry-overview-russia/> (дата обращения: 20.04.2024); Будущее угольной индустрии: мировой рынок до 2050 года. Глобальные тренды. Май 2023 // Официальный сайт компании «Яков и Партнеры». <https://yakovpartners.ru/publications/coal-industry-overview/> (дата обращения: 20.04.2024).

сто и роль Кузбасса как поставщика угля в стратегической перспективе будет в большей мере определяться не общемировой потребностью, а емкостью локализованных международных угольных рынков. Если для России будут открыты угольные рынки Западной Европы, то Кузбасс получит рынки, где у него практически нет конкурентов. Если же для товаров из РФ окажутся доступны только рынки развивающихся стран, то Кузбасс должен будет конкурировать с угольными кластерами в восточных регионах России.

Поэтому выход из ловушки, в которой оказалась Кемеровская область — Кузбасс, надо искать не только в повышении эффективности добычи твердого топлива, развитии экспортной логистики, решении экологических проблем и т. п., хотя их решение чрезвычайно важно. Нам представляется крайне важным предусмотреть возможность проведения в регионе масштабной структурной адаптации в базовой триаде отраслей (куда входят угольная, металлургическая и химическая отрасли), а также в энергетическом и машиностроительном комплексах. Теоретически результатом адаптации экономики Кемеровской области, причем в довольно короткие сроки (около пяти–семи лет), может стать удлинение цепочек создания добавленной стоимости (социальной ценности) в переработке угля и химическом комплексе; вывод на ры-

нок новых продуктов из угля для нужд энергетики и других отраслей; появление стимулов для развития в стране угольной генерации на суперсверхкритических параметрах; создание условий для использования угля в качестве сырья для крупнотоннажных полимеров. В сложившихся условиях оптимальным вариантом для Кузбасса в процессе осуществления структурной адаптации представляется ставка на собственные силы, доступные инвестиционные, технологические, человеческие ресурсы и в целом на инновационные факторы. А главной движущей силой преобразований в угольной и других отраслях специализации может быть инновационный малый и средний бизнес. Таким образом, процесс структурной адаптации, не затрагивая «угольное ядро» экономики региона, будет усложнять его отраслевую оболочку.

Кузбасс, вновь оказавшись в ситуации выбора вариантов ревитализации, уже не может себе позволить еще раз отложить начало трансформации на 15–20 лет. Встроиться в новую экономическую модель России Кемеровская область может только на основе формирования и развития новой системы взаимосвязей угольной отрасли с наукоемкими и высокотехнологичными сферами и видами деятельности — от разработки современных научных основ горнодобывающей отрасли до производства новых машин, механизмов и продуктов глубокой переработки угля.

Выводы

Все известные сегодня мировые модели ревитализации проблемных промышленных территорий предусматривают два этапа: первый — адаптация отраслей специализации, второй — трансформация социально-экономической системы. Главное отличие подходов состоит в глубине и предметности форм и методов государственного регулирования.

Кузбасс — единственный регион в мире, который успешно адаптировал основную отрасль специализации и без последующей трансформации экономики более 20 лет поддерживал ее устойчивое состояние. Это помогло региону встроиться в новый экономический контекст и сформировать ориентированную на экспорт модель развития, но не привело к формирова-

нию условий и предпосылок нового качества развития и тем более роста. Результатом произошедшего стало то, что Кемеровская область — Кузбасс оказалась в ловушке сырьевого роста: интенсивное развитие отраслей специализации привело к росту экономики, но затормозило трансформационные процессы в социально-экономической системе, что сопровождалось, помимо прочего, снижением уровня и качества жизни основной части местного населения.

Новые угрозы, которые обусловлены парадигмой энергоперехода, когда рынки отказываются от традиционной продукции отраслей специализации региона, актуализируют скорейшую реализацию отложенной ранее ревитализации.

Список источников

- Аганбегян, А. Г. (2022). Три главных социально-экономических вызова, стоящих перед Россией, и 15 ответных шагов. *Экономические стратегии*, 24(6), 6–15.
- Артюшкова, Р. М., Бандман, М. К., Малов, В. Ю., Фридман, Ю. А. (1988). Особенности и проблемы развития сибирских старопромышленных районов и подход к их изучению. *Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах* (С. 115–129). Москва: Институт географии.
- Воронин, Д. В. (2008). Влияние реструктуризации угольной промышленности на социально-политические процессы в Кузбассе в 1990-е гг. *Вестник Томского государственного университета. История*, (3), 74–80.
- Глonti, К. М. (2008). Старопромышленные регионы: проблемы и перспективы развития. *Регионоведение*, (4), 27–39.
- Горизонты Кузбасса: Экономический очерк*. (1982). Кемерово: Кн. изд-во, 224.
- Инновационный вектор экономики знаний*. (2011). Новосибирск: СО РАН, 279.
- Кондратьев, В. Б. (2021). Горная промышленность: перспективы выхода из ковидного кризиса. *Горная промышленность*, (3), 79–86. <http://doi.org/10.30686/1609-9192-2021-3-79-86>
- Краснянский, Г. Л., Зайденварг, В. Е., Ковальчук, А. Б., Скрыль, А. И. (2011). *Уголь в экономике России*. Москва: Экономика, 383.
- Крюков, В. А., Сулов, Н. И. (ред.). (2022). *Новый импульс Азиатской России*. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 571. <http://doi.org/10.53954/9785604782491>
- Крюков, В. А., Фридман, Ю. А., Речко, Г. Н., Логинова, Е. Ю. (2020). *Кузбасс в новом времени*. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 179.
- Кулешов, В. В. (ред.). (2017). *Ресурсные регионы России в «новой реальности»*. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 308.
- Мальцев, Ю. Н., Зайденварг, В. Е., Зыков, В. М., Краснянский, Г. Л., Саламатин, А. Г., Шафраник, Ю. К., Яновский, А. Б. (1996). *Реструктуризация угольной промышленности. (Теория. Опыт. Программы. Прогноз)*. Москва: Росуголь, 536.
- Мальцев, А. А., Мордвинова, А. Э. (2018). Американская модель ревитализации старопромышленных регионов. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*, 26(1), 76–88. <http://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-1-76-88>
- Мальцев, А. А., Мордвинова, А. Э. (2019). Ревитализация старопромышленных регионов: зарубежный опыт. *Мировая экономика и международные отношения*, 63(7), 40–48. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-7-40-48>
- Мешков, Г. Б., Петренко, И. Е., Губанов, Д. А. (2024). Итоги работы угольной промышленности России за 2023 г. *Уголь*, (3), 18–29. <http://doi.org/10.18796/0041-5790-2024-3-18-29>
- Морозова, Е. А., Кочнева, О. П. (2021). Миграционные настроения молодежи Кемеровской области — Кузбасса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Сер. «Политические, социологические и экономические науки»*, 6(3), 326–338. <http://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338>
- Селиверстов, В. Е. (2024). О контурах и реалистичности новой модели развития Сибири. *Регион: экономика и социология*, (1), 66–114. <http://doi.org/10.15372/REG20240102>
- Смил, В. (2020). *Энергия и цивилизация*. Москва: Эксмо, 480.
- Стародубровская, И. В., Лободанова, Д. Л., Борисова, Л. В., Филошина, А. С. (2011). *Стратегии развития старопромышленных городов: международный опыт и перспективы в России*. Москва: Изд-во Института Гайдара, 248.

- Boschma, R., & Frenken, K. (2006). Why is economic geography not an evolutionary science? Towards an evolutionary economic geography. *Journal of Economic Geography*, 6(3), 273–302. <http://doi.org/10.1093/jeg/lbi022>
- Carney, J., Hudson, R., & Lewis, J. (1980). *Regions in Crisis: New Perspectives in European Regional Theory*. Croom Helm.
- Cooke, P. (Ed.). (1995). *The Rise of the Rustbelt*. UCL Press.
- Gustafson, T. (2021). *Klimat: Russia in the age of climate change*. Harvard University Press.
- Hamm, R., & Wienert, H. (1990). *Strukturelle Anpassung Altindustrieller Regionen im Internationalen Vergleich*. Duncker & Humblot. <http://dx.doi.org/10.3790/978-3-428-46861-4>
- Nordhaus, W.D. (2015). *The Climate Casino: Risk, Uncertainty, and Economics for a Warming World*. Yale University Press.
- Steiner, M. (1985). Old Industrial Areas: A Theoretical Approach. *Urban Studies*, 22(5), 387–398. <http://dx.doi.org/10.1080/00420988520080701>

References

- Aganbegyan, A. G. (2022). Three main socio-economic challenges facing Russia and 15 response steps. *Ekonomicheskie strategii [Economic Strategies]*, 24(6), 6–15. (In Russ.)
- Artyushkova, R. M., Bandman, M. K., Malov, V. Yu., & Fridman, Yu. A. (1988). Features and problems of Siberian old industrial regions development and approach to their study. *Geograficheskie problemy intensivifikatsii khozyaistva v staroosvoennykh raionakh [Geographical problems of economic intensification in early developed regions]* (pp. 115–129). Moscow: Institute of Geography Publ. (In Russ.)
- Boschma, R., & Frenken, K. (2006). Why is economic geography not an evolutionary science? Towards an evolutionary economic geography. *Journal of Economic Geography*, 6(3), 273–302. <http://doi.org/10.1093/jeg/lbi022>
- Carney, J., Hudson, R., & Lewis, J. (1980). *Regions in Crisis: New Perspectives in European Regional Theory*. Croom Helm.
- Cooke, P. (Ed.). (1995). *The Rise of the Rustbelt*. UCL Press.
- Glonti, K. M. (2008). Old-industrial regions: problems and development perspectives. *Regionologiya [Russian Journal of Regional Studies]*, (4), 27–39. (In Russ.)
- Gorizonty Kuzbassa: Ekonomicheskii ocherk [Kuzbass horizons. Economic review]*. (1982). Kemerovo: Book Publ., 224. (In Russ.)
- Gustafson, T. (2021). *Klimat: Russia in the age of climate change*. Harvard University Press.
- Hamm, R., & Wienert, H. (1990). *Strukturelle Anpassung Altindustrieller Regionen im Internationalen Vergleich*. Duncker & Humblot. <http://dx.doi.org/10.3790/978-3-428-46861-4>
- Innovatsionnyi vektor ekonomiki znaniy [Innovation vector of knowledge economy]*. (2011). Novosibirsk: Publishing House of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 279. (In Russ.)
- Kondratiev, V. B. (2021). Mining industry: Out of the Covid-crisis perspectives. *Gornaya promyshlennost' [Russian Mining Industry]*, (3), 79–86. <http://doi.org/10.30686/1609-9192-2021-3-79-86> (In Russ.)
- Krasnyansky, G. L., Zaidervarg, V. E., Kovalchuk, A. B., & Skryl', A. I. (2011). *Ugol' v ekonomike Rossii [Coal in economy of Russia]*. Moscow: Ekonomika Publ., 383. (In Russ.)
- Kryukov, V. A., Fridman, Yu. A., Rechko, G. N., & Loginova, E. Yu. (2020). *Kuzbass v novom vremeni [Kuzbass in a new age]*. Novosibirsk: IEIE SB RAS Publ., 179. (In Russ.)
- Kryukov, V. A., & Suslov, N. I. (Eds.) (2022). *Novyi impul's Aziatskoi Rossii [New Impulse of Asian Russia]*. Novosibirsk: IEIE SB RAS Publ., 571. <http://doi.org/10.53954/9785604782491> (In Russ.)
- Kuleshov, V. V. (Ed.). (2017). *Resursnye regiony Rossii v "novoy real'nosti" [Resources regions of Russia in a "new reality"]*. Novosibirsk: IEIE SB RAS Publ., 308. (In Russ.)
- Mal'tsev, A. A., & Mordvinova, A. E. (2019). Old industrial areas revitalization: Foreign experience. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 63(7), 40–48. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-7-40-48> (In Russ.)
- Maltsev, A. A., & Mordvinova, A. E. (2018). American model of old industrial areas revitalization. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika [RUDN Journal of Economics]*, 26(1), 76–88. <http://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-1-76-88> (In Russ.)
- Malyshev, Yu. N., Zaidervarg, V. Ye., Zykov, V. M., Krasnyansky, G. L., Salamatina, A. G., Shafranik, Yu. K., & Yanovsky, A. B. (1996). *Restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti. (Teoriya. Opyt. Programmy. Prognoz) [Coal industry Restructuring. (Theory. Practice. Programs. Forecast)]*. Moscow: Company "Rosugol". publ., 536 (In Russ.)
- Meshkov, G. B., Petrenko, I. E., & Gubanov, D. A. (2024). Russia's coal industry performance for January — December, 2023. *Ugol' [Russian Coal Journal]*, (3), 18–29. <http://doi.org/10.18796/0041-5790-2024-3-18-29> (In Russ.)
- Morozova, E. A., & Kochneva, O. P. (2021). Youth migration in the Kemerovo region (Kuzbass). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki [Bulletin of Kemerovo state university. Series: Political, Sociological and Economic Sciences]*, 6(3), 326–338. <http://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338> (In Russ.)
- Nordhaus, W.D. (2015). *The Climate Casino: Risk, Uncertainty, and Economics for a Warming World*. Yale University Press.
- Seliverstov, V. E. (2024). New model for Siberia's development: exploring the contours and feasibility. *Regional Research of Russia*, 14(3), 331–345. <https://doi.org/10.1134/S2079970524600422>
- Smil, V. (2020). *Energiya i tsivilizatsiya [Energy and civilization: A history]*. Moscow: Eksmo, 480. (In Russ.)

Starodubrovskaya, I. V., Lobodanova, D. L., Borisova, L. V., & Filushina, A. S. (2011). *Strategii razvitiya staropromyshlennykh gorodov: mezhdunarodnyy opyt i perspektivy v Rossii [Development Strategy of Old Industrial Cities: International Experience and Prospects in Russia]*. Moscow: The Gaidar Institute Publ., 248. (In Russ.)

Steiner, M. (1985). Old Industrial Areas: A Theoretical Approach. *Urban Studies*, 22(5), 387–398. <http://dx.doi.org/10.1080/00420988520080701>

Voronin, D. V. (2008). The influence of restructurisation of coal-mining industry on the social political process in Kuzbass in 1990-s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Tomsk State University Journal of History]*, (3), 74–80. (In Russ.)

Информация об авторах

Крюков Валерий Анатольевич — академик РАН, доктор экономических наук, профессор, директор, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; Scopus Author ID: 7004906327; <https://orcid.org/0000-0002-7315-6044>; (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т акад. Лаврентьева, д. 17; e-mail: kryukov@ieie.nsc.ru).

Фридман Юрий Абрамович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; Scopus Author ID: 56501744100; <https://orcid.org/0000-0003-3120-7197> (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т акад. Лаврентьева, д. 17; e-mail: yurifridman@mail.ru).

Логина Екатерина Юрьевна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; Scopus Author ID: 57198243839 <https://orcid.org/0000-0002-2743-3653>; (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т акад. Лаврентьева, д. 17; e-mail: katrin.2007@mail.ru).

Речко Галина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; Scopus Author ID: 56502259700 <https://orcid.org/0000-0001-7423-4051>; (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т акад. Лаврентьева, д. 17; e-mail: rgn.kem@mail.ru).

Хохрина Олеся Ивановна — соискатель ученой степени, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. <https://orcid.org/0000-0002-0288-1302> (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1; e-mail: novoselova_86@mail.ru).

About the authors

Valery A. Kryukov (Novosibirsk) — Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Director, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of RAS; Scopus Author ID: 7004906327; <https://orcid.org/0000-0002-7315-6044>; (Russian Federation, 630090, Novosibirsk, 17, Ak. Lavrentiev Ave.; e-mail: kryukov@ieie.nsc.ru).

Yuri A. Fridman — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Research Associate, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of RAS; Scopus Author ID: 56501744100; <https://orcid.org/0000-0003-3120-7197>; (Russian Federation, 630090, Novosibirsk, 17, Ak. Lavrentiev Ave.; yurifridman@mail.ru).

Ekaterina Yu. Loginova — Cand. Sci. (Political Studies), Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of RAS; Scopus Author ID: 57198243839; <https://orcid.org/0000-0002-2743-3653>; (Russian Federation, 630090, Novosibirsk, 17, Ak. Lavrentiev Ave.; e-mail: katrin.2007@mail.ru).

Galina N. Rechko — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Research Associate, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of RAS; Scopus Author ID: 56502259700; <https://orcid.org/0000-0001-7423-4051>; (Russian Federation, 630090, Novosibirsk, 17, Ak. Lavrentiev Ave.; e-mail: rgn.kem@mail.ru).

Olesya I. Khokhrina — PhD student, Novosibirsk State University; ORCID: 0000-0002-0288-1302; <https://orcid.org/0000-0002-0288-1302> (Russian Federation, 630090, Novosibirsk, 1, Pirogova Str.; e-mail: novoselova_86@mail.ru).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 02.08.2024.

Прошла рецензирование: 10.09.2024.

Принято решение о публикации: 27.09.2024.

Received: 02 Aug 2024

Reviewed: 10 Sep 2024

Accepted: 27 Sep 2024